

Игорь Шестков

НА ЧЕМ ПОДАЮТ ЖАРКОЕ

(отрывок из готической повести)

Доктор искусствоведения Ламартин и его неуклюжая, худая, обычно молчащая, но на городских вернисажах и в концертных залах не всегда впопад хихикающая жена Верена, жили на четырнадцатом этаже единственного высокого дома в городе.

По непонятной прихоти архитектора лифт был не внутри дома, а вне его. Стеклопанная лифтовая шахта-башня высилась рядом с домом и соединялась с ним на всех этажах, кроме первого, узкими металлическими, с круглыми дырочками, мостиками с хлипкими алюминиевыми перилами.

Моя подруга Штефани, с детства страдающая акрофобией, вынуждена была, после того, как мы вышли из кабины лифта на четырнадцатом этаже, закрыть глаза.

Холодный декабрьский ветер судорожно завывал, хватал за плечи и грозил приподнять и унести в свинцово-серые, быстро скользящие в небе облака. Обсыпал нам щеки и губы колючими льдинками... как будто толченым стеклом. Скользящий мостик шатался под ногами. Штефани начала дрожать. Заскулила. Я взял ее под руку и осторожно провел в дом.

Согласно последней моде лестничные площадки в этом доме отсутствовали, а коридоры были так низки и узки, что приходилось идти боком, то и дело опуская голову. Тут настала моя очередь дрожать и скулить, потому что давно забытая клаустрофобия тут же овладела всеми клеточками моего тела... как будто я не боролся с ней долгие годы и не победил. Все наши победы – мнимые, фиктивные события, плоды самовнушения, зато поражения – прочный фундамент, на котором можно строить жизнь.

С трудом нашли нужную дверь. Медная табличка вполне могла бы украсить средних размеров мавзоль. Позвонили.

Нам открыл хозяин дома. В кухонном фартуке поверх фрака, смешном поварском колпаке и с дорогой серебряной вилкой и таким же ножом в руках, он распространял вокруг себя дурманящий запах жареной в ореховом соусе свинины, горчицы и корицы.

– Проходите! Проходите, друзья! Раздевайтесь, располагайтесь в гостиной, а я побегу, присмотрю за жарким. Обувь оставьте, только вытрите тряпочкой, вон там... лежит... она... тряпочка. Из зеленой замши. Верена! Верена, милая, где же ты, гости пришли. Выходи, хватит вертеться перед зеркалом. В нашем возрасте это бесполезно.

...

В центре гостиной стоял грубо обструганный, деревенский дубовый стол. Без скатерти. Рядом с ним – стулья, явно изготовленные тем же мастером, главным занятием которого, по-видимому, было производство дыб и колес.

На столе лежали дорогие мейсенские тарелки и элегантные закусочные приборы в стиле ар-нуво. Темно-фиолетовые бокалы из богемского стекла знавали лучшие дни. Стекло кое-где помутнело и растрескалось. Рядом с огромной буханкой черного хлеба на деревянной доске толщиной в большой палец великана лежал длинный нож с посверкивающим ребристым лезвием и зеленой пластиковой рукояткой. Несколько бутылок минеральной воды и «Золотого рислинга» из Радебойля и непонятно что тут забытый стеклянный шар на металлической подставке завершали композицию.

На стенах висели жутковатые картины художников города.

Мы с Штефани принялись их сосредоточенно рассматривать, изображая неподдельный интерес. Давалось это нам не легко, потому что Штефани уже много лет назад пресытилась местной художественной продукцией, с изготовителями которой общалась по долгу службы еще во времена ГДР, да и я, как и любой другой регулярный посетитель общих собраний городского отделения Союза художников Саксонии, тоже давно и хорошо знал работы моих коллег. Их провинциальные потуги создать что-то оригинальное смешили меня, хотя я и отдавал должное присущей некоторым из них истинно арийской работоспособности... Малевать красками они, за исключением двух-трех старых мастеров-экспрессионистов, доживающих свой век в живописных окрестностях города, не умели, но в графике, интуитивно следуя традициям старой немецкой школы, иногда достигали известного уровня. Работы эти, несмотря на их деланный «постмодернизм», напоминающие гравюры Дюрера, Кранаха или Брейгеля, были заведомо лучше всего того, на что был способен в графике я. – Прощу к столу, – заявил Ламартин, входя в гостиную и держа в одной руке – блюдо с жареным мясом и запечённой в духовке картошкой, а в другой – салатницу с салатом.

Мы сели, разложили еду по тарелкам и налили в рюмки вино...

Верена так и не появилась.

Ламартин несколько раз осторожно потрогал магический шар, заглянул в него, и провозгласил тост. Или скорее – обратился к нам с небольшой приветственной речью. Надо сказать, господин доктор, всякий раз в подобных ситуациях – говорил о жене, о том, что ей пришлось испытать в трудное послевоенное время, потом переходил на мою скромную персону... и расхваливал меня до небес, безбожно пересаливал и завирался... оказывая мне этим медвежью услугу. Другие художники на меня злились. Слава богу, сейчас мы были одни. И я надеялся на то, что доктор не будет говорить обо мне.

Ламартина тут же понесло.

– Я так рад приветствовать вас у меня дома! Большая радость для нас – то, что вы сидите за нашим столом. Не обращайте внимания на Верену, у нее было сложное детство, ей досталось тогда, в Данциге... отец погиб на восточном фронте, мать умерла от тифа... двенадцатилетняя девочка одна боролась за выживание. Да, она ведет себя особенно, но в ее сердце нет ненависти. Нет! Даже на тех русских солдат, которые ее несколько часов подряд насиловали на чердаке нашего дома, она не держит зла. Непонятно вообще, как она выжила... несмотря на

многочисленные разрывы влагалища и прямой кишки и внутреннее кровотечение... Получила неизлечимую психическую травму. Если бы не вмешательство советского офицера, которого позвала из окна моя матушка, и не срочная операция в военном госпитале... Ее буквально вернули с того света. Тут господин доктор еще раз заглянул в стеклянный шар. Сделал вид, что увидел в нем что-то интересное, многозначительно помолчал секунд двадцать, прокашлялся и продолжил.

– Поверьте мне, дорогой Гарри, то, что вы родом из России – не играет для Верены никакой роли. Наоборот... Она прекрасно понимает мотивы вашего отъезда из СССР. Вы тоже жертва этой ужасной страны, так и не выдавившей из себя Сталина. Она вас любит и вам сочувствует. И так же, как и я, боготворит ваше творчество. Потому что в ваших работах есть что-то буддистское. Растворение в мировом духе. Отказ от предметности. Мягкость, плавность, глубина... Отрешение и надежда. И твердая, я бы сказал – властная, уверенность в существовании других миров. То, что мы, немцы, давно потеряли. Погрязли в вещизме. Я поднимаю бокал за вас, Гарри, за ваш успех, за ваше счастье, за вашу новую жизнь в этом убогом рациональном мире! Вы наша новая надежда, открытая дверь в Зазеркалье, проводник по метафизическим мирам. Хм... милая Штефани, вы должны понимать, что живете с необыкновенным человеком, ради которого можно...

...

Растерявшаяся от высокопарных слов Ламартина Штефани хотела было что-то вставить, но... в гостиную тихо, как подводная лодка, всплыла Верена. И, не проронив ни слова, села на свое место.

Одета она была в длинное черное платье-коктейль и черные же туфли на невысоком каблучке. На голове ее круглилась немыслимая шляпка с вуалью, прикрывающей плечи и лицо, украшенная искусственными черными розами, между которыми я разглядел глянцево-синего жука. Живого! А я было подумал, что это брошка.

Жук копошился, видимо нервничал, поводил усиками и то и дело раскрывал и складывал надкрылья. Наконец шумно взлетел и сел на одну из висящих на стене картин, на которой было изображено нечто, напоминающее виселицу с двумя повешенными – девушкой и юношей. Видимо принял ее за дерево. Называлась картина так «Он так и не успел».

Господин доктор ловко поймал жука стеклянным стаканом и куда-то унес. Вернулся, посмотрел на картину, потрогал стеклянный шар, положил жене в тарелку небольшой кусочек свинины, картофель и салат, налил в ее бокал вина и сказал: Милая, я так счастлив... присоединяйся к нам. Я говорил о работах Гарри. О том, что в них чувствуется освобождающее от гнета рационализма дыхание Востока... Новая органика... Новое пространство...

Верена откинула вуаль с лица, поднесла к темным губам бамбуковую флейту и заиграла какую-то неизвестную мне мелодию. Что-то чарующее, японское. Ламартин насупился и замолчал.

Верена положила флейту на стол и начала музыкально мяукать. Видимо, она представляла себе, что поет.

Мяукала Верена несколько минут. Никто ей не мешал.

Потом она подошла к все еще стоящему с бокалом в руке мужу, подняла вуаль, приблизила свое мертвое лицо к его розовому лицу и ясно и настойчиво проговорила: Надеюсь, ты не убил беднягу Джорджа! Он так впечатлителен. Ты же знаешь, Джордж ничего не ест, думает только о спаривании и ищет партнершу. Крошка Джордж бегаёт весь день и ночь по этому гадкому аквариуму и ищет свою половину, а его самка умерла, ты убил ее, садист... Убил и наколол на иголку. Ты хочешь наколоть и меня, я знаю. Ты пригласил своих друзей, чтобы они помогли тебе проколоть меня иглой. Ты смотришь в свой дурацкий шар и ищешь подходящего момента. Ты думаешь, я буду сопротивляться, но это не так. Я готова принести себя в жертву. И еще, я терпеть не могу жареную свинину. И ты знаешь об этом уже больше сорока лет. Зачем ты устроил этот карнавал? Сам жри свою убоину. И пей этот гадкий рислинг. С этого момента зови меня Агатой. Я приняла ее имя и ее судьбу. Я хочу, чтобы твой любимый палач...

Верена кивнула в мою сторону.

– ...оторвал раскаленными щипцами мне груди.

Верена резким движением раскрыла платье и показала мужу и нам свои маленькие посиневшие отвислые груди, покрытые трупными пятнами.

Затем грозно посмотрела на меня, послала моей спутнице воздушный поцелуй и торжественно покинула гостиную.

Вспотевший от волнения Ламартин в изнеможении сел и начал жадно есть жаркое и запивать его рислингом. Мы последовали его примеру.

...

После нескольких минут ожесточенного жевания и глотания господин доктор опять заговорил.

– Она права. Верена права. Умоляю вас, Гарри, сделайте это.

– Что я должен сделать? Вылечить вашу жену? Нет, господин доктор, найдите какого-нибудь врача-гипнотизера или психотерапевта, пусть постарается успокоить ее и отговорить... Отвлечь. Или запугать. Не знаю, что в таких случаях делают...

– Вы не понимаете серьезности ее намерений. Если она только заподозрит, что ее хитростью или силой хотят отвести от этой жуткой затеи – она притворится, что вылечилась, а сама, при первой возможности покончит с собой. И я останусь один.

– Вы что же, на самом деле хотите, чтобы я искалечил вашу жену, оторвал ей раскаленными щипцами груди, как их оторвали согласно бредовой христианской легенде этой юродивой, святой Агате. А потом, она захочет, чтобы ее сожгли в угольной яме с острыми черепицами? И это тоже должен буду делать я? Вы в своем уме?

Тут в наш разговор вмешалась Штефани.

– Милый, неужели ты не можешь совершить это хотя бы из уважения к господину доктору? Он так много сделал для тебя!

– Совершить? Из уважения? Вы что, все помешались? Тебя что, тоже русские солдаты насильовали в Данциге?

...

– Не горячитесь, Гарри, – господин доктор обратился ко мне почему-то чужим голосом, а потом, как бы не торопясь, как в фильмах про привидения, превратился в маркиза, обаятельного циника в дорогом кафтане, старомодном парике, с шпагой и кинжалом за поясом, – вы опять потеряли себя. Это скоро пройдет, не беспокойтесь... Можете мне сказать, где вы находитесь?

– В городе К.. В квартире моего друга, доктора Ламартина.

– Осмотритесь, дорогой Гарри, может быть, вы вновь замечтались? Или сегодня за завтраком съели что-то не то? У вас нет и никогда не было друзей. Вы имеете честь пребывать во дворце монсеньора. И все мы надеемся на то, что вы с честью выполните его новое поручение.

Я стоял на сцене, установленной в большом зале с золотой лепниной на стенах и потолке. Множество людей, одетых в странные одежды, смотрели на меня. В руках я держал большие, длинные, на концах добела раскаленные щипцы. Рядом со мной лежала обнаженная до пояса женщина, привязанная к тяжелой железной решетке...

Прочитал перед микрофоном еще один отрывок из готической повести «Покажи мне дорогу в ад».

Разрушение моего русского языка увы продолжается. Затем и читаю – чтобы ухо слышало то, что глаза уже не замечают. Брр... сколько ошибок и неточностей. И сам текст, если отвлечься от мелочей – чистое безумие. Ну что же... каждому свое. Я имею в виду каждому возрасту – свое.

Вспомнил вечер, проведенный у моего давно умершего друга... доктора искусствоведения. Лет двадцать пять назад. Вечер этот почему-то запомнился надолго. Запомнилась и жена доктора, дама действительно не простая. Излучающая поистине некрофилическую эротическую силу. Все мои попытки описать этот вечер в «реалистической манере» мне не удались. Пришлось отпустить на волю безумие, абсурд, хоррор.... И сразу получилась похожая, правдивая картинка. Хотя конечно никто никому тогда груди не отрывал и об

этом не говорил... и вообще все было чинно, по-немецки, скучновато... Но невидимый и до поры беззвучный метаисторический фон-океан бушевал с невиданной силой и, казалось, что он вот-вот прорвет все преграды и затопит все вокруг. Превратит обычную жизнь в кипящий ад. И люди и здания и сам город моего добровольного изгнания – покажут свои истинные обличья... Чудовищные обличья...